

Трудно было сказать, что именно сейчас творилось в душе у Цзян Пина, но после услышанного на сердце у него стало как-то муторно. Он удручённо шевелил своими «крысиными» усиками, всем видом выказывая полнейшее уныние.

Вся эта история Бай Юйтана, если приглядеться, была и простой, и невероятно запутанной одновременно.

Больше всего Цзян Пина поразило то, что его пятый брат, чей ветреный нрав был известен всему миру, кажется, всерьёз увлёкся женщиной. И пусть, по словам самого Юйтана, тот юноша был неописуемо хорош собой, он всё же оставался мужчиной. Неужели род Бай на этом и прервётся?

«Нет, постой... Юньшэну уже три года, и он мальчик. Наследник есть, так что за продолжение рода можно не беспокоиться», — успокоил себя Цзян Пин.

Он втайне начал молиться, чтобы тот загадочный юноша оказался выходцем из купеческой семьи. Тогда Бай Юйтан мог бы просто забрать его к себе, а все семейные дела легли бы на плечи парня — ведь жене полагается разделять тяготы мужа. Цзян Пин даже мысленно пролил слезу сочувствия над судьбой бедолаги: иметь такого супруга, как Бай Юйтан, — это, должно быть, кара за грехи в прошлой жизни.

Несмотря на то что оба были мужчинами, Цзян Пин на подсознательном уровне отвёл незнакомцу «подчинённую» роль. Возможно, сказывалась привычка защищать своих, а может, он просто считал, что Пятый брат при всём своём легкомыслии обладал куда большим «опытом», чем обычные мужчины.

К тому же, судя по рассказу, тот юноша был человеком на редкость порядочным и серьёзным — полная противоположность Юйтану, привыкшему сорить чувствами направо и налево.

— И что же дальше? — спросил Цзян Пин. — Ты больше его не видел?

— Видел. Когда провожал тех старика с внучкой из Поселения Мяо, — Бай Юйтан по-детски надулся, вспоминая тот момент. — Он уже собрал вещи. Прямо из седла бросил мне: «Брат Бай, вы поступили благородно. Прощайте», — и только его и видели. След простыл.

Цзян Пин мысленно заплодировал незнакомцу. Надо же, нашёлся смельчак, который заставил Пятого господина бегать за ним, а потом просто помахал ручкой, даже имени не назвав! Если они встретятся снова, Пятый брат, верно, перевернёт небо и землю, лишь бы его достать.

— Юйтан, а ты не думал, что он мог просто... забыть тебя?

— Забыть?! Меня?! — Юйтан выпалил это не задумываясь, но тут же осёкся. Если юноша и

впрямь не принял его близко к сердцу, то вполне мог и не запомнить случайного встречного. Бай Юйтан недовольно потер переносицу: — Если и забыл, я заставлю его вспомнить. Всё до последней мелочи.

В этом весь он — властный и самоуверенный до мозга костей.

— Эх, Юйтан, не к тому человеку ты обратился за советом, — Цзян Пин чувствовал, что пытается снять с себя ответственность, но его собственный опыт в подобных делах и в подметки не годился похождениям Пятого брата. — Твой четвертый брат не женат, чем я помогу? Вот старшие братья — другое дело, они все при жёнах. Третий, конечно, грубоват, но...

Бай Юйтан нетерпеливо отмахнулся, не дав ему договорить:

— Да не в этом дело! Неужели ты думаешь, что я, Бай Юйтан, не справлюсь с каким-то мальчишкой? Проблема в другом: я не знаю, где его искать.

— Юйтан, не скажи. Может, ты как раз и не справишься. Одно дело — соблазнять девиц, тут ты мастер, спору нет. Но ты подумал о том, что твой избранник — мужчина? У мужчин совсем другой склад ума и характер. Думаешь, нормальный мужик станет терпеть рядом с собой ветреного типа, который только и делает, что шатается по борделям?

Слова Цзян Пина мгновенно заставили Бай Юйтана почувствовать укол тревоги.

Это было правдой. Бай Юйтан понял, что с самого начала повёл себя неверно. Тот юноша видел его в публичном доме, да и надпись на веере — «Ветренный и свободный» — буквально кричала: «Я не ищу серьёзных чувств, не надейся».

«Какая досадная оплошность».

Юйтан побледнел, в груди стало как-то пусто и тоскливо. Может, и впрямь лучше забыть? Тогда можно было бы начать всё с чистого листа, и дурное впечатление развеялось бы со временем, как дым.

Но это были лишь мечты. Юноша — не дряхлый старик, как он мог такое забыть? Слишком мало времени прошло. Разве что он посчитал ту встречу чем-то постыдным и сам постарался вычеркнуть её из памяти.

Но если так, есть ли у Бай Юйтана хоть призрачный шанс?

«Чушь!» — выругался он про себя. Даже если так, он не собирался сдаваться. Этот образ уже прочно засел в его сердце, и вырвать его было невозможно.

Два года назад, расставшись с тем юношей в Поселении Мяо, он чувствовал себя на удивление окрылённым. На обратном пути в Сунцзянскую префектуру, к Острову Пустоты, он заглянул в «квартал красных фонарей» — хотел послушать, как играет на цине девушка Хуа Ли, или выпить вина «Дочь Красная» в Павильоне Ветра и Луны.

Досаждало лишь одно: таинственный незнакомец в голубом не оставил после себя ни зацепки. Редкий случай, когда Пятый господин Бай сам захотел с кем-то свести знакомство, а его так бесцеремонно проигнорировали.

От этих мыслей вкус вина казался пресным, а на языке разливалась горечь. Но теперь эта горечь была вызвана не скорбью по брату, а человеком, с которым он едва столкнулся, но который уже успел пробудить в нём искреннее восхищение.

— Господин Бай, что-то не так? Разве Хуа Ли играет плохо? — голос девушки сегодня звучал как-то странно — в нём слышались тягучие, медовые нотки, совсем не похожие на её привычный тон. Впрочем, Юйтан не был уверен, не мерещится ли ему это.

Перед глазами всё поплыло, словно он резко захмелел.

Но это было невозможно. Он вырос на Винодельне Цзяннин, перепробовал все сорта мира — как могла его свалить одна чарка «Дочери Красной»?

Должно быть, в вино что-то подмешали.

«Хуа Ли...»

То ли подействовал алкоголь, то ли сработало снадобье, но по телу Бай Юйтана внезапно разлилось тепло. Однако это было не приятное согревание, а нарастающий, удушливый жар, который в тот же миг заставил его вспомнить о прохладном, как родниковая вода, юноше в голубом.

— Пятый господин, вам тепло, не так ли? — Хуа Ли улыбалась, но в её глазах Юйтан ясно прочёл коварный умысел. Он и не подозревал, что эта девица способна на подобное.

Бай Юйтан прекрасно понимал, чего она добивается. Ей нужно было место законной супруги в доме Бай.

Он холодно усмехнулся. Юйтан терпеть не мог женщин с двойным дном. Куда приятнее была искренность. И первым делом он подумал вовсе не о какой-нибудь благородной девице, а о том самом юноше, встреченном в Поселении Мяо. Тот был чист и спокоен — человек, который явно презирал мелкие интриги и дешёвые трюки.

В это мгновение на него снизошло озарение.

Да, это был парень, а не красавица, как он себе когда-то воображал — та, что будет ждать его дома у накрытого стола и разбираться в изящных искусствах. Но, кажется, это не имело никакого значения. Если женщины вроде Хуа Ли настолько расчётливы и коварны, то лучше обойтись и вовсе без них.

— Хуа Ли, дай мне противоядие, — когда он думал о том юноше, внутри него разгорался пожар, который невозможно было игнорировать. Даже самый тупой на его месте понял бы, что происходит.

Это был «Весенний яд».

— Разве Пятый господин не знает? Это средство лечится лишь «радостями плоти». Ничего страшного, господин, Хуа Ли сама поможет вам...

Хлесткий удар.

Звук ладони, встретившейся с нежной щекой девушки, прозвучал резко и отчётливо.

Хуа Ли, не веря своим глазам, схватилась за лицо. Когда она подняла взгляд, перед ней стоял уже не одурманенный страстью мужчина, а Бай Юйтан, в глазах которого светилась непривычная, пугающая суровость.

— Хм. Больше всего на свете я презираю женщин, которые пытаются заполучить мужчину с помощью подобных уловок.

С этими словами он бросил на стол серебряный слиток и выпрыгнул в окно. Белые одежды мелькнули в ночи, и он исчез, оставив за собой лишь чувство недосыгаемости.

Бай Юйтан был «ветреным», но не «подлым». В таких делах он оставался истинным благородным мужем, тем более теперь, когда в его мыслях внезапно занял место другой человек.

Как бы ни было ему тяжело, он терпел. Если тот юноша узнает, что он потерял над собой контроль из-за такой грязной истории, он наверняка в нём разочаруется. А если так, то о новой встрече можно и не мечтать. Юйтан крепко сжал челюсти, из последних сил подавляя бушующее в груди пламя.

— Брат Бай? Что с вами? — голос был до боли знакомым, с той самой прохладной, почти отрешённой интонацией.

Бай Юйтан с трудом приоткрыл затуманенные глаза. Ему казалось, что отравы уже добралась до самого мозга, иначе с чего бы ему слышать этот голос?

Но когда прохладные пальцы, пахнувшие свежестью, коснулись его запястья, проверяя пульс, Юйтан осознал: это не галлюцинация. Юноша, с которым он так нелепо разминуся, сейчас был рядом. А он сам — в таком жалком, непотребном виде.

Неизвестно откуда взялись силы, но он перехватил руку юноши и притянул его к себе. Ему хотелось почувствовать эту чистоту, надеясь, что прохлада чужого тела утихомирит пожар. Но вышло наоборот: огонь вспыхнул с новой силой.

Бай Юйтан сгреб его в охапку, не в силах остановиться, и лишь когда его губы коснулись чужих, ему на мгновение стало легче.

Юноша лишь слегка сопротивлялся, но потом, словно что-то решив, замер в его объятиях и коснулся ладонью его шеи.

— Брат Бай, — тихо вздохнул он, — потерпите ещё немного.

В следующую секунду Юйтан почувствовал резкий удар по затылку и провалился в небытие. Когда он пришёл в себя, огонь всё ещё тлел внутри — яд оказался невероятно сильным.

С трудом разлепив веки, он увидел перед собой красивое лицо. Длинные густые ресницы отбрасывали на кожу нежную тень. Юйтан попытался шевельнуться, чувствуя, что буквально сгорает заживо.

Но в следующий миг он замер. Юноша осторожно снимал с него одежду слой за слоем. Юйтан не понимал, что происходит, и невольно напрягся.

Юноша был совсем близко. От него веяло тонким ароматом цветов белой груши — этот едва уловимый запах действовал лучше всякого лекарства. Бай Юйтан инстинктивно подался ближе, и в этот момент юноша начал действовать.

Иглоукальвание. Это было древнее и сложное искусство. Юйтан часто слышал об этом от своей старшей невестки, но и подумать не мог, что этот юноша владеет иглой так искусно, да ещё и применяет это для нейтрализации яда.

Пальцы незнакомца мелькали с поразительной быстротой, но Юйтан всё равно успевал ловить каждое прикосновение — тёплое, чуть влажное. То ли сами руки были прохладными, то ли от напряжения юноша покрылся испариной, но его касания дарили благословенное облегчение.

Вдыхая аромат белой груши, Бай Юйтан почувствовал, как успокаивается. Жар ещё не ушёл окончательно, но его сменила непреодолимая сонливость.

Вцепившись в рукав юноши, он крепко сжал пальцы и вскоре забылся глубоким сном.

Бай Юйтан спал долго и крепко. То ли яд Хуа Ли вконец измотал его, то ли иглы подействовали усыпляюще, но когда он открыл глаза, солнце уже стояло высоко в зените.

Юноши в голубом и след простыл. Он ушёл, даже не забрав свои вещи.

Снова неудача. Юйтан разочарованно покачал головой, но всё же не терял надежды. Он спустился вниз и расспросил хозяина постоянного двора, однако ответ его не обрадовал.

— А, вы про того молодого господина в голубом? Редкой щедрости человек. Но он, видать, очень спешил в столицу. Собирался уехать ещё вчера вечером, но в полночь притащил вас сюда и сказал, что задержится до рассвета. А сегодня спозаранку ускакал. Говорил, у него встреча в Бяньцзине с братом, которого он не видел целый год.

«Так и есть», — печально подумал Бай Юйтан.

Тогда он верил, что скоро они увидятся снова. Но он не мог предположить, что пройдут целых два года, прежде чем судьба вновь сведёт их. За это время имя Парчовой Крысы прогремело на всю страну, но того самого юноши в голубом, чей образ он бережно хранил в самом сердце, Юйтан так и не встретил.

<http://bllate.org/book/17405/1654545>